

minibo**OK**

**ФРЭНСИС
СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД**

**СУМАСШЕДШЕЕ
ВОСКРЕСЕНЬЕ**

Москва
2017

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ф66

Перевод с английского
В. Муравьева, И. Архангельской, М. Литвиновой

Оформление серии А. Старикова

В оформлении обложки использованы иллюстрации художников
Clarence Coles Phillips (1880—1927) и George Barbier (1882—1932).

Иллюстрация на 1-й сторонке обложки:

Jovanovic Dejan / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Сумасшедшее воскресенье / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [пер. с англ. В. С. Муравьева, И. Архангельской, М. Д. Литвиновой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-95067-6

«Век джаза» немыслим без Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Писатель, ярче и беспристрастней которого вряд ли кто отразил безумную жизнь Америки 20-х годов, и сам был плотью от плоти той легендарной эпохи, его имя не сходило с уст современников и из сводок светских хроник. В сборник вошли произведения «Алмазная гора», «Сумасшедшее воскресенье», «Семья на ветру».

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

© М. Литвинова, перевод, 2017

© В. Муравьев, перевод.

Наследники, 2017

© И. Архангельская, перевод.

Наследники, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95067-6

АЛМАЗНАЯ ГОРА

I

Род Джона Т. Ангера был на отменном счету в Геенне — есть такой городок на Миссисипи. Отец Джона из года в год в жарких боях завоевывал первенство по гольфу среди любителей; миссис Ангер славилась, по местному выражению, «на все котлы и сковороды» своим зажигательным предвыборным красноречием; самому Джону Т. Ангеру едва исполнилось шестнадцать, однако новейшие нью-йоркские танцы он откалывал еще в коротких штанишках. И вот теперь ему предстояло на какое-то время расстаться с родным домом. Вся провинция, как известно, донельзя чтит учебные заведения Новой Англии: на алтарь этого почтения провинциалы приносят цвет своей молодежи, и родители Джона не остались в стороне. Непременно надо было, чтобы он отправился в колледж Святого Мидаса близ Бостона — не прозябать же их драгоценному и одаренному сыну в Геенне!

А в Геенне — кто бывал там, тот знает — фешенебельные закрытые школы и колледжи едва различают по названиям. Местные жители давным-давно отстали от мира сего и хоть и очень стараются поспеть за модой, но живут большей частью понаслышке. Чикагской ветчинной принцессе их одежда, манеры и литературные вкусы, конечно, покажутся «как-то слегка прошлогодними».

Джон Т. Ангер был готов к отъезду, Миссис Ангер по-матерински набила его чемоданы летними костюмами

и вентиляторами, а мистер Ангер презентовал сыну туго набитый асбестовый бумажник.

— Помни, здесь тебе всегда будут рады, — сказал он. — Семейный очаг не остынет, будь уверен, мальчик.

— Я знаю, — слотнул комок Джон.

— И не забывай, кто ты и откуда родом, — горделиво добавил отец, — это уберезет тебя от неверных поступков. Ты — Ангер из Геенны.

Родитель и сын пожали друг другу руки, и Джон пустился в путь, обливаясь слезами. Через десять минут, покидая пределы города, он остановился и обернулся на прощанье. Старинная, викторианская надпись над воротами была ему чем-то отрадна. Отец все время предлагал сменить ее на что-нибудь бодрое и доходчивое, скажем: «Вот вы и в Геенне» или просто на «Добро пожаловать», а пониже выложить лампочками сердечное рукопожатие. Мистер Ангер считал, что старая надпись какая-то мрачноватая, но вот поди ж ты...

Джон поглядел — и обратился навстречу судьбе. И небесный отсвет оставленных позади огней Геенны был, казалось, исполнен теплой и яркой прелести.

От Бостона до колледжа Святого Мидаса полчаса на «Роллс-Ройсе». Сколько в милях — навеки останется тайной, ибо, кроме Джона Т. Ангера, никто не приезжал туда иначе, как на «Роллс-Ройсе», да, пожалуй, никто и не приедет. Это колледж для избранных — самый дорогой колледж в мире.

Первые два года прошли очень приятно. Джон учился с отпрысками денежных тузов и в каникулы гостил на модных курортах. Его гостеприимные сверстники ему вполне нравились, но отцы их были все на один покрой; по молодости лет он часто дивился их поразительной неразличимости. Когда он говорил, откуда он, они неизменно шути-

ли: «Ну и как у вас там, припекает?» — а Джон по мере сил улыбался и отвечал: «Да не без того». Он бы, может, и сказал что-нибудь подходящее, но уж очень они все одинаково шутили, разве что кто-нибудь спрашивал иначе: «Ну и как вам там, не холодно?» — отчего у него опять-таки с души воротило.

К концу третьего семестра среди одноклассников Джона появился тихий, изящный юноша по имени Перси Вашингтон. Новичок был приветлив в обращении и на редкость хорошо одет — даже в колледже Святого Мидаса это бросалось в глаза, — но держался как-то особняком. Близко он сошелся только с Джоном Т. Ангером, но и с ним отнюдь не откровенничал насчет дома и семьи. Ясно было, что он из богатых, и все такое, но вообще-то Джон почти ничего не знал о своем приятеле, и любопытство его прямо-таки взыграло, когда Перси пригласил его на лето к себе, «на Запад». Он не заставил себя упрашивать.

И только в поезде Перси впервые немного разговорился. Однажды, когда они обедали в вагоне-ресторане и язвительно обсуждали однокашников, Перси вдруг заметил совсем новым тоном:

— Мой отец намного богаче всех в мире.

— А-а, — вежливо отозвался Джон. Непонятно было, что бы еще сказать на такое признание. «Это замечательно» — не прозвучит, и он чуть было не сказал: «В самом деле?» — но вовремя спохватился: вышло бы, что он сомневается в словах Перси. А в таких поразительных словах сомневаться, пожалуй, не следовало.

— Намного богаче, — повторил Перси.

— Помню, я читал в справочнике, — решил Джон, — что в Америке есть один человек с годовым доходом пять миллионов и четверо, у кого свыше трех миллионов...

— Тоже мне богачи. — Перси брезгливо скривил рот. — Крохоборы-капиталистики, банкиришки, торго-

ши и ростовщики. Отец мой их всех скупит и сам того не заметит.

— Почему же тогда...

— Почему его нет в справочнике? Да потому, что он не платит подоходного налога. Платит какие-то там гроши, но не с дохода, а так.

— Вот уж, наверно, богатый человек, — простодушно заметил Джон. — И прекрасно. Я как раз люблю очень богатых. Чем богаче, тем лучше — по моему, так. — Его смуглое лицо сияло искренностью. — Прошлую Пасху я гостил у Шнитцлеров-Мэрфи. И у Вивьен Шнитцлер-Мэрфи были рубины с куриное яйцо и такие лучистые сапфиры, как фонарики...

— Камни — это да, — восторженно поддержал Перси. — Конечно, в колледже об этом никому знать не надо, но у меня у самого есть неплохая коллекция. Камни собирать интереснее, чем марки.

— А какие алмазы бывают, — мечтательно продолжал Джон. — У Шнитцлеров-Мэрфи были алмазы с грецкой...

— Дребедень. — Перси склонился к приятелю и глухо зашептал: — Побрякушки. У моего отца алмаз — побольше, чем отель «Риц-Карлтон».

II

Закат в горах Монтаны сгустился между двумя вершинами, как громадный синяк, и темные вены расползлись от него по изувеченному небу. Небо отпрянуло в горную высь от деревушки Саваоф — крохотной, унылой, безвестной. По слухам, там жило двенадцать человек, двенадцать темных и загадочных душ, извлекавших пропитание из голого, почти совсем голого камня, на котором они произросли, неведомо как и почему. Они стали особой породой, эти двенадцать саваофцев, как будто природа сперва рас-

щедрилась на новую тварь, а потом опомнилась и оставила их копошиться и гибнуть.

Из далекого иссиня-черного сгустка в скалистую пустошь выползла цепочка огней, и двенадцать саваофцев возникли, как призрак у станционного сарайчика, навстречу семичасовому трансконтинентальному экспрессу из Чикаго. Примерно шесть раз в год трансконтинентальный экспресс, повинаясь непостижимому расписанию, останавливался у платформы Саваоф, и кто-то сходил с поезда, садился в коляску, поданную из сумерек, и исчезал во тьме закатного синяка. Саваофцы глазели на это нелепое и диковинное происшествие, словно соблюдали некий обряд. Глазели, и только: в них не было ни капли того одушевленного воображения, которое побуждает любопытствовать и размышлять, а то бы вокруг этих таинственных событий народилась своя религия. Но саваофцы жили помимо всякой религии: самые дикие и простые христианские верования и те не прижились бы на этой скале. У них не было ни алтаря, ни жреца, ни жертвоприношений; просто народ каждый день к семи вечера стекался к станционному сараю и возносил взамен молитвы смутное и вялое изумление.

В этот июньский вечер Главный Кондуктор, которого саваофцы считали бы богом, если б бог им был нужен, повелел, дабы семичасовой поезд сгрузил людей (или нелюдь) в Саваофе. В две минуты восьмого Перси Вашингтон и Джон Т. Ангер сошли с подножки, промелькнули перед замороженными, распахнутыми, испуганными глазами двенадцати мужчин, уселись в коляску, которая явилась ниоткуда, и уехали.

Через полчаса, когда полумрак сгустился дотемна, молчаливый кучер-негр окликнул что-то черное впереди. На окрик вспыхнул рдяный диск, словно воспаленный глаз злобно уставился из непроглядной тьмы. Они подъехали

ближе, и Джон понял, что это задний фонарь автомобиля, громадного и роскошного. Металл его корпуса отливал никелем и отблескивал серебром; втулки искрились зелено-желтым геометрическим узором — бисерным, а может, и самоцветным, — Джон не рискнул гадать.

Два негра в расшитых ливреях, как с картины лондонской королевской процессии, стояли навтыяжку у автомобиля и приветствовали молодых людей, вылезших из коляски, на языке, непонятном гостю, но похожем на исконное негритянское наречие Юга.

— Садись, — сказал Перси приятелю, когда их чемоданы забросили на эбеновую крышу лимузина. — Жаль, что пришлось тебя слегка протрясти, но сам понимаешь — куда ж с таким автомобилем на глаза пассажирам или этому разнесчастному саваофскому отребью.

— Ух ты! Ну и авто! — вырвалось у Джона при виде внутреннего убранства автомобиля. Его взгляду предстала парчовая обивка, сплошь затканная тонкими шелковыми узорами, вся в крапинках драгоценных камней.

Приятели развалились в кресельных сиденьях, пышный ворс которых переливался всеми оттенками страусиного пера.

— Ну и авто! — повторил изумленный Джон.

— Колымага-то? — рассмеялся Перси. — Да это старая рухлядь, она у нас для поездок на станцию.

Тем временем автомобиль мчался в темноте по направлению к перевалу.

— Через полтора часа будем на месте, — сказал Перси, взглянув на часы. — Кстати уж скажу тебе, что ничего подобного ты в жизни не видел.

Если и все прочее было под стать автомобилю, то Джона в самом деле ожидало необычайное. В Геенне простодушно и благочестиво преклонялись перед богатством с пеленок, всей душою чтили его, и не дай бог Джон нарушил бы эту